

КОНСТАНТИН ВЕРЕНИЦА

АРХИТРОН

КНИГА 2

18+

Константин Вереница

Архитрон. Книга 2

«Автор»

2026

Вереница К.

Архитрон. Книга 2 / К. Вереница — «Автор», 2026

Мир утонул. Над бескрайними водами, поглотившими старые столицы, парит «Петергоф» — летучий город-ковчег, последний оплот цивилизации, хранящий в своих деревянных галереях и медных механизмах память исчезнувшей Земли. Но чем выше поднимается этот рукотворный остров, тем безжалостнее схватка за его наследие — и за саму жизнь. Виртуозный гладиатор Вергилий брошен на арену «Мёртвого Озера» — плавучего гнезда порока, где лорды торгуют смертью, а кровь стала валютой. «Архитрон» — роман-эпопея о жестокости и надежде, о преданности и мести. История, в которой красота утраченного мира борется с уродством нового, а любовь оказывается единственным щитом перед лицом абсолютного зла.

© Вереница К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Честное предательство.	5
Глава 2: Тайные связи.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Константин Вереница

Архитрон. Книга 2

Глава 1: Честное предательство.

Клубы рыжей пыли, поднятые квадроциклом, медленно оседали на разграбленный лагерь. Пепел покрывал консервные банки и разорванный брезент. Вергилий замер у въезда. Пальцы судорожно сжимали холодный металл автомата.

Перед ним копошились две сторбленные фигуры. Мародёры. Рылись в брошенном снаряжении, как стервятники.

— Стоять! Руки прочь! — голос прозвучал хрипло и жестко. Ствол автомата смотрел точно в грудь ближайшему.

Мужчина в засаленной куртке медленно поднял руки. В его потухших глазах не было испуга — только усталая циничная ухмылка.

— Ты чего, мужик, кипятишься? Здесь всем хватит. Осмотри крайнюю палатку. Глядишь, и на свою долю найдёшь.

Вергилий дал короткую очередь в небо. Грохот раскатился по округе, спугнув ворон. Второй мародёр ахнул и вскинул руки. Первый побледнел. Вся напуская развязность сошла с него мгновенно.

— Вижу впервые — патроны в воздух переводят, вместо того чтобы бить по цели, — пробормотал он, но руки держал высоко, ладонями наружу. — Это наш хлеб, мужик. Выживаем как можем. У нас семьи.

— Семья, — горько откликнулся Вергилий.левой рукой, не отрывая ствола, он достал из нагрудного кармана потрёпанную фотографию. — Эту женщину видели? Здесь или поблизости?

Мародёр прищурился, делая вид, что вглядывается.

— Погоди, плохо видно. Дай рассмотреть.

— Стой! Без движений! — рыкнул Вергилий. Он резко присел, положил снимок на пыльную землю и отступил на несколько шагов, не опуская оружия. — Иди. Смотри.

Мужчина медленно, подчёркнуто осторожно подошёл, наклонился.

— Так... Похожа на ту блондинку. Бездыханная, возле крайней палатки. Но я не уверен, что она. Вглядишься сам.

Холодная волна прокатилась по телу Вергилия, сжимая горло.

— Возле какой палатки? — голос стал тише.

— Вон там, — мародёр мотнул головой в сторону дальнего шатра.

— Положи фото и отойди, — скомандовал Вергилий сквозь стиснутые зубы. Его взгляд, полный ужаса и надежды, приковался к указанной палатке. Всё существо уже было там, внутри.

И эта роковая ошибка стоила ему всего.

Он не услышал мягких шагов сзади. Третий, о существовании которого Вергилий не подозревал, бесшумно обошёл квадроцикл и с размаху ударил самодельной дубиной по затылку.

Взрыв белой боли. Искры в глазах. Земля ушла из-под ног, небо накренилось. Последнее, что он осознал сквозь нарастающий гул, — торжествующий сиплый крик:

— Мы богаты! Смотри, какой квадрик! Заводи — валим отсюда!

— А с ним что? — донёсся чей-то голос, будто из-под воды.

— Хай валяется. Мутанты ночью трупы грызут. И этого сожрут.

Рёв мотора, удаляясь, стал для Вергилия похоронным маршем. Сознание погасло, как перебитый фитиль, погрузив его в ледяную, беззвучную тьму.

Вергилий очнулся поздним вечером, он проверил лагерь, еле стоя на ногах. Виолы там нет, но есть другие земляки, слезы от разбитого лагеря Вертигорцев, вызвали у него слезы. Он шёл по чётким следам квадроцикла, держась за стволы деревьев. Наконец добрался до цели. В глуши леса, на двух поросших мхом бетонных кольцах, стояла покосившаяся лачуга из тёмного горбыля. Вокруг громоздился хаос из ржавого металлолома и битых механизмов. Под полуразрушенным навесом из рубероида стоял его квадроцикл.

Из окон сочился тусклый свет керосиновой лампы. Доносился хриплый смех и обрывки пьяного хвастовства о лёгкой добыче.

Вергилий замер на опушке, сливаясь со стволом сосны. Глаза анализировали обстановку: два окна, одна дверь. Вдруг за спиной почувствовалось тёплое влажное дыхание. Он резко обернулся. Тощая серая дворняга виляла грязным хвостом и тут же, поскуливая, принялась лизать ему руку. Молча, почти нежно Вергилий погладил пса за ухом.

— Тихо, мальчик... хороший мальчик, — прошептал он непривычно мягко.

Крадучись, он подобрался к дому и укрылся за массивным бетонным кольцом. Там, при-слонённый к стене, лежал старый железный лом в бурых пятнах ржавчины. Вергилий бросил быстрый взгляд на квадроцикл: сумки расстёгнуты, пусты. Всё добро внутри. Ключа в замке зажигания не было.

Дверь лачуги со скрипом распахнулась, выбросив прямоугольник света и волну зловонного тепла.

— Щас поосу и вернусь! Пиво не трогать! — рявкнул заплетающийся голос. На пороге, пошатываясь, показался один из грабителей.

К нему тут же подбежала собака.

— А ну отвали, падла! Шкура паршивая! — мужик грубо пнул её в бок. Пёс взвизгнул и отлетел в грязь, поджав хвост.

Вергилий сжал лом. Это был шанс. Пока грабитель справлял нужду, напевая бессвязную песню, Вергилий бесшумно подошёл сзади и с короткого размаха обрушил лом на затылок. Тот рухнул в лужу без звука. На поясе у него висел тяжёлый армейский пистолет. Вергилий снял его — металл был холодным и знакомым.

— Серя, ты где там, а? А то мы щас без тебя всё выпьем, жадюга! — донёсся из дома нетерпеливый голос.

Вергилий проверил обойму, дослал патрон с сухим щелчком и стал подниматься по скрипучим ступеням.

— Идёт, идёт, слышу уже! — прокричали внутри.

Переступив порог, он увидел убогую картину: за грубым столом, освещённым копящими свечами, сидели двое. В спёртом воздухе висела густая смесь запахов самогона, пота и плесени.

— Ты... ты не Серя! — один из грабителей рванулся к пистолету на поясе.

Выстрел Вергилия оглушил. Пуля ударила грабителя точно в лоб, отшвырнув тело на грязный пол.

Последний выживший вскинул руки. Лицо исказил животный страх, по щекам потекли слёзы.

— Добрый человек! Я... я не хотел! Это всё они, я просто за компанию, ради выпивки! — голос дрожал и срывался на визг.

— Где мои вещи? — голос Вергилия был ровным и холодным. Ствол не дрогнул.

— Вон... вон там, на кровати! Всё там! Мы ещё не делили, честно! — грабитель трясущейся рукой показал в угол, где на тюфяке лежала куча трофеев.

Не отводя пистолета, Вергилий боком подошёл к кровати и быстрыми движениями собрал своё: автомат, кинжал в ножнах, два набитых рюкзака. Затем снова повернулся к дрожащему мужчине.

— Хочешь жить?

— Хочу! Ради всего святого, не убивай! Хочу жить!

— Тогда расскажи всё про то место, где мы встретились. Всё, что видел, что слышал.

— Там... там люди Кабана всех перебили ещё до нас, это были не мы! Клянусь! Мы с братвой последними были, всё что можно — уже обобрали местные барахольщики! — слова полились потоком. — Они там всё вычистили, как саранча! Мы уж потом подобрали, что они за брак сочли...

— Где найти барахольщиков? — Вергилий сделал шаг вперёд.

— В пяти километрах на северо-восток, место называется Хламовск! Тропа есть, вот отсюда пару километров по ней — и ты у ворот! Я тебе всё расскажу, нарисую, только не убивай, прошу!

Вергилий смотрел ему в глаза, оценивая ложь.

— Если соврёшь хоть в чём-то — вернусь и прибью, как пса. Понял?

— Понял! Клянусь матерью, всё правда!

Вергилий убрал пистолет, развернулся и вышел в холод ночи. Сделал три шага.

Сзади послышался крадущийся шорох. Он развернулся, выхватив пистолет, и выстрелил почти не целясь. Пуля ударила третьему грабителю, занесшему кухонный нож, прямо между глаз. Тот рухнул.

Вергилий сел на квадроцикл, вставил ключ, повернул. Двигатель заурчал ровно и мощно. Заряд батареи — наполовину.

Он бросил последний взгляд на безмолвную лачугу, свистнул. Тощая дворняга радостно прыгнула к нему на колени. Вергилий тронул с места, и машина рванула в чёрную пасть ночного леса. Впереди ждала узкая тропа, ведущая к селению барахольщиков, и, он ещё надеялся, к новым зацепкам в поисках Виолы.

Рассвет застал детей в холодном, сыром лагере. Они кутались в тонкие, промозглые куртки.

Первым поднялся Эрик. От ночлега на голой земле ломило всё тело. Собственный голос, прозвучавший чуть громче шёпота, показался ему чужим, хриплым от дыма и долгого молчания.

— Нам нужно уходить, — он будил остальных, и слова повисли в морозном воздухе белым облачком.

Дети встали нехотя. Движения их были скованы холодом. На бледных, испачканных сажей лицах застыла смесь боли, усталости и недосыпа. Черты размылись, осталась только глубокая тень под глазами. Они молча разминали затёкшие пальцы. В этой немой возне не осталось ни капли детской беззаботности.

Потом двинулись сквозь влажные от росы заросли и вскоре промочили ноги по щиколотку.

— Ягоды! — вдруг вскрикнул Жорик, нарушив утреннюю тишину.

— Где? — встрепенулась Мила. В её голосе пробила первая живая нота.

— Да вот же! Большой куст!

И правда, из чащи сочной листвы алел куст дикой малины, усыпанный каплями росы. Дети с жадностью, не думая о колючках, набросились на него. Срывали и отправляли в рот холодные, кисло-сладкие ягоды. Терпкий сок напомнил о простых радостях из другой, почти забытой жизни.

— Вкусная, как... — начал Платошка, но осёкся, ощутив ком в горле.

— Как у профессора в теплице, — почти беззвучно закончила за него Мэри.

Повисла густая тишина, нарушаемая лишь щелчком отрываемых ягод. Простая малина стала горьким напоминанием о тепле оранжерейных ламп, о запахе земли. О человеке, которого они почти не знали, но уже успели полюбить всем сердцем. Грусть висела в воздухе гуще утреннего тумана.

— Смотрите, здесь орешки, — уже бодрее нарушил молчание Жорик, указывая на могучий кедр.

Под деревом, на мягком ковре из хвои, лежал целый урожай шишек — тёмных и смолистых. На время забыв о тоске, дети принялись собирать дары леса. Набивали карманы так, что оттягивались подолы. Заворачивали шишки в свёрнутые кофты, превращая их в узелки-торбы.

— Папа такие привозил. Нужно зубами грызть и доставать семечку, — сказала Мила, и в её глазах мелькнула тёплая тень воспоминания.

— Нужно залезть на дерево и посмотреть, куда идти, — деловито предложил Платошка. Он смотрел вверх, на залитую солнцем вершину кедра.

— Хорошая идея. Кто полезет? — спросила Мила, следя за его взглядом.

— Я, — без раздумий вызвался Эрик. Сбросил узел с плеча.

Они подошли к мощному стволу и помогли ему забраться, подталкивая за босые пятки. Вскоре Эрик скрылся в густой хвое. Снизу доносился лишь скрип веток да его частое дыхание.

— Он в порядке? — тревожно спросила Мила. Она вглядывалась вверх и щурилась от солнца.

— Эрик! — срывающимся на фальцет голосом крикнула Мэри. В этом крике слышался животный страх потерять ещё кого-то.

— Ну, если ещё не летит вниз с воплем, значит, всё нормально. Факты, — с привычной сухостью констатировал Платошка.

Дети слабо улыбнулись. Но улыбки тут же сменились возгласами удивления и боли: на головы посыпался град тяжёлых шишек.

Это Эрик, добравшись до макушки, тряхнул её изо всех сил. Через мгновение он уже спускался. Остальные, смеясь и потирая ушибленные макушки, собирали улов и шутливо брали «верхолаза».

— Ну? Что там? — первым, отложив шишку, спросил Платошка, когда Эрик, красный от напряжения, прыгнул на хвою.

— Там гора, — выдохнул он, вытирая пот со лба.

Все замолчали. Гора. Она стала направлением.

— Идём к горе? — с сомнением и надеждой спросил Жорик.

Эрик резко кивнул:

— Идём.

Маленькая компания собрала нехитрые пожитки и с новой решимостью двинулась в путь. Они продирались сквозь колючие, пахнущие смолой заросли. Впереди, в утренней дымке, темнел сизый силуэт горы.

Компания, измотанная долгой дорогой, наконец вышла к подножию горы. Та возвышалась тяжёлым сизым исполином, закрывая полнеба. Солнце стояло в зените, беспощадное и жаркое. Обеденный час напоминал о себе лишь пустым сосанием под ложечкой. Впереди, огибая скалу, неспешно текла небольшая чистая речка. Дети с радостными возгласами бросились к воде — умыть запylённые лица и напиться, жадно зачерпывая ладонями холодную, горьковатую влагу.

— Что делать дальше? — спросил Платошка, вытирая мокрый подбородок рукавом.

— Смотрите! — Мэри указала пальцем на ржавые угловатые конструкции среди деревьев. — Там какие-то трубы.

— Идём туда, — решил Эрик, вставая. — Может, есть люди.

Заброшенный завод встретил их давящей тишиной. Лишь сухие листья шелестели по асфальту под ветром да скрипели расшатанные металлические листы. Бетонные корпуса зданий стояли с обвалившимися крышами, зияя чёрными провалами окон. Стены густо поросли мхом и цепким плющом, пробившимся сквозь трещины.

— Никого нет, — констатировал Жорик. В голосе прозвучало глухое разочарование.

— Интересно, что здесь было, — промолвила Мила, с опаской оглядывая гигантские механизмы, похожие на скелеты доисторических чудовищ.

Они подошли к массивному бетонному кольцу, внушавшему трепет циклопической грубостью. Внутри зияла огромная пропасть, заполненная тёмной, почти чёрной водой. Глубина пугала: вода не отражала свет, а поглощала его.

— Вау... Ну и дыра, — прошептал Платошка, отступая на шаг. — Мне даже подходить страшно.

— Бу-ро-ва-я у-ста-нов-ка, — по слогам прочитала Мэри, разбирая стёршиеся буквы на покорёженной табличке.

— Что это такое? — спросила Мила.

— Не знаю, — пожал плечами Жорик.

— Нужно залезть на эту вышку и посмотреть, что вокруг, — предложил Платошка, указывая на ржавую ажурную конструкцию буровой. — В этот раз полезу я.

Он подошёл к основанию башни — высокой, узкой и казавшейся хрупкой на фоне массивных цехов. Его уверенность немного поубавилась.

— Я и не думал, что она такая высокая... И лестница вся отваливается.

— Лучше попросить Эрика, — осторожно предложила Мэри.

— Нет! Я залезу сам, — с внезапным упрямством сказал Платошка. Ему нужно было доказать храбрость — прежде всего самому себе.

Он ухватился за холодное, липкое от ржавчины железо и начал медленно подниматься, проверяя каждую скрипящую перекладину. Снизу доносились тревожные голоса:

— Не торопись, Платошка!

Наконец он забрался на самый верх. Открылся захватывающий вид на окрестности.

— Там водоём! А позади... виден дым! Мы пришли оттуда! — крикнул он, показывая на едва заметную полоску дыма на горизонте. — Мне кажется, нужно идти к воде. Попробуем поймать рыбу!

— Я не умею, — сказал Жорик.

— Я тоже, — поддержала Мила.

— А я умею! Меня папа учил! — с гордостью крикнул Платошка.

В этот момент лестница под ним качнулась. Раздался протяжный скрежет рвущегося металла. Бетон у основания начал осыпаться гравием, а сама конструкция медленно, с душевраздирающим стоном завалилась внутрь руин.

— Быстрее, Платошка, быстрее! — закричали дети в едином порыве ужаса.

Платошка не раздумывал. Прыгнул с трёх метров, кувырнулся по жёсткой, усыпанной щебнем земле. Позади с оглушительным грохотом и облаком рыжей пыли сложилась много-тонная конструкция.

— Фу-у-х... Еле успел, — отряхиваясь и потирая ушибленный бок, проговорил он.

Но его слова потонули в новом, нарастающем шуме.

— Что это?

Со стороны ручья донёсся треск ломающихся деревьев. Не просто треск — рёв, будто бульдозер шёл напролом через лес, смешивая с корнями и щепками. Из чащи вырвалось нечто огромное и металлическое. Змей — тот самый робот-охотник, но теперь израненный, без части

бронепластин, с искрящимися проводами и одним зияющим пустотой глазом, рассечённым когтями. Он нёсся, не разбирая дороги, снося молодые стволы и бетонные заграждения.

— Бежим! — крикнула Мэри, и голос сорвался от паники.

Дети бросились прочь, петляя между тёмными проёмами руин, спотыкаясь о развалины. Змей, одноглазый, но яростный, врзался в стены, расталкивая их многотонной массой. Позади оставался след из пыли и обломков.

Внезапно Мэри споткнулась о торчащий прут арматуры и тяжело упала, выронив свёрток с припасами. Она подняла голову — боль пронзила колено. До искрящегося корпуса Змея оставалось не больше десяти метров. Монстр на мгновение замер. Единственный оптический сенсор с кровавым отсветом медленно повернулся, издав тонкий, наводящий ужас писк, и зафиксировал добычу. С резким шипением гидравлики и скрежетом шестерён он рванул в атаку, чтобы уничтожить Мэри.

Эрик, забыв про опасность, подскочил к ней и встал на пути стального чудовища, распахнув руки, как живой щит.

— Нет! — он выставил ладонь, будто пытаясь удержать лавину. Крик прозвучал с недетской, раскалённой силой. На секунду — всего на одну невозможную секунду — глаза Змея вспыхнули ядовито-зелёным светом, словно откликаясь на забытую команду.

Змей резко прекратил атаку, застыв в метре от них. Сервоприводы завывали от внезапной остановки, из-под гусениц поднялся густой столб пыли. Эрик, будто разрядившаяся батарейка, без сил рухнул на землю. Сознание погасло под тяжестью невероятного усилия.

В этот миг из-за груды обломков с оглушительным рёвом вынесся Амба. Казалось, сама тень профессора Рябина, его последняя воля, мчалась вместе с тигром в яростном прыжке. Кибер-тигр, сам израненный, с обгоревшей шкурой и искрящими пробоинами в броне, вцепился стальными клыками в уязвимую «шею» Змея — в спутанный пучок проводов и гидравлических магистралей под повреждённой бронёй.

Началась отчаянная схватка. Змей, пытаясь сбросить противника, бешено крутился на месте, бился о бетонные стены, кроша их в пыль и щебень. Амба держался мёртвой хваткой, но суставы искусственных мышц сдавали под чудовищным давлением. Металлические пальцы разжались на мгновение — и тогда тигр, собрав последние силы, не стал цепляться обратно. Он мощно оттолкнулся от груди Змея, обхватив его передними лапами в последнем объятии, и увлёк за собой в зияющую черноту затопленной буровой скважины.

Платошка и Жорик подбежали к Мэри и Эрику, пытаясь поднять их. Мила, не в силах оторвать глаз, подбежала к краю пропасти. Она видела, как две сплетённые в смертельной схватке фигуры — стальной охотник и верный страж — стремительно уменьшались, превращаясь в смутную тень, пока их не поглотила чёрная, не отражающая свет вода. Круги разошлись по поверхности, выплеснув через край пропасти тяжёлые мокрые капли, и медленно утихли. Воцарилась тишина. Не просто отсутствие звука — страшная, гнетущая, полная окончательной утраты пустота. Амба выполнил последний долг до конца.

— Что с Эриком? Что с ним? — зашептала Мэри, глядя на его неподвижное, белое как мел лицо.

— Он... будто спит, — растерянно сказал Платошка, наклоняясь к другу и тщетно пытаясь поймать пульс на тонком холодном запястье.

Внезапно кусты зашелестели. Платошка мгновенно вскинулся, сжимая в руке увесистый острый камень, готовый броситься на защиту.

— Тихо, дети, свои! — раздался спокойный хрипловатый голос. Из зарослей, осторожно раздвигая ветви, вышли двое — бородатый мужчина в залатанной куртке и парнишка лет пятнадцати с серьёзным загорелым лицом. В руках у них были плетёные лукошки, полные боровиков и подосиновиков. — Мы грибники, с поселения у озера. Что это у вас тут за баталии были? Грохот на всю тайгу!

Платошка молчал, не выпуская камень из побелевших пальцев. Его взгляд метался от незнакомцев к раненым друзьям, полный вызова и страха.

— Когда труба на старом заводе рухнула, мы сразу пошли на шум, — пояснил мужчина, внимательно оглядывая детей и руины. — Вижу, вашему товарищу нехорошо. Да и девочке надо ногу перевязать, кровь сочится. Идём к нам, в деревню. Обогреем, посмотрим, что да как.

Платошка посмотрел на Мэри. Та, стиснув зубы, прижимала окровавленную штанину и поддерживала голову бесчувственного Эрика. Решение давалось тяжело. Он сглотнул ком в горле.

— Мой папа — капитан Жданов, — вдруг твёрдо, почти вызывающе заявил он, глядя прямо в глаза грибнику. — Если с нами что-то случится, он вас найдёт. Он всех найдёт.

Мужик удивлённо поднял брови. В глазах мелькнуло узнавание.

— Капитан Жданов? Мишка, что ли? С базы «Вертигория»?

— Да... Вы его знаете? — в голосе Платошки прозвучала слабая надежда.

— Как же не знать! Я ему рыбу, мясо, грибы поставляю, а он мне — патроны и кое-какое железо. В прошлом году вместе самогонку гнали у нас в деревне! Ты как тут очутился?

— На... на нас напали, — голос Платошки дрогнул. — Роботы. Мы сбежали. Нас спас тигр Амба и профессор Рябинин.

— Господи... — мужчина покачал головой, лицо стало серьёзным. — Ладно, разговаривать будем на месте. В деревню нужно срочно, кто знает, что ещё на грохот придёт.

— Меня дядя Андрей звать, а это сын мой, Юра. Поможет. Я мальчика понесу, а вы девочку поддержите. Ручей перейдём по камням, и мы там, за излучиной.

— Мила! — позвал Платошка, оглядываясь.

Мила всё ещё сидела на краю бездны, неподвижная, как каменное изваяние. Она не мигая смотрела в чёрную воду, утирая слёзы грязным рукавом.

— Ты идёшь?

Мила медленно, будто скрипя всем телом, встала, бросила последний пустой взгляд на пугающую гладь и поплелась к остальным, опустив голову.

— Мы видели ту бойню, — тихо сказал Юра, глядя на Милу с пониманием. — Этот колодец... его ещё при прежней России для эксперимента бурили, но потом забросили. Всё обвалилось, даже чугунная крышка на дно провалилась. Оттуда уже не выбраться. Глубина адская, давление на дне, говорят, страшное.

Дядя Андрей, бережно взяв на руки бесчувственного Эрика, кивнул в сторону мальчика.

— А этот парень, который словами железяку остановил? Откуда он?

— Он наш, — быстро, почти резко ответила Мэри, сжимая руку Платошки в предупредительном жесте. — Из нашей команды. Из Вертигории.

Они сделали последний шаг сквозь стену ивняка и ольхи, и перед измученной группой, как долгожданный мираж, открылась тихая деревушка — несколько крепких срубов, дымок из труб, — раскинувшаяся на берегу огромного синего озера.

— Стой! Кто идёт?

— Свои! Андрей Чалов с сыном Юрой, и с нами дети! — не сбавляя шага, крикнул грибник, глядя вверх, в кроны вековых дубов.

— Андрей, ну ты и забияка, всё по грибы да по ягоды, — послышался сверху насмешливый голос.

— А ты, Соловей, в вечном дозоре, — парировал Андрей с лёгкостью в голосе. — Оставлю тебе добра на КП!

На одном из дубов, на высоте пяти метров, шевельнулось «полотно» тёмно-зелёных ветвей — искусно натянутая маскировочная сеть, усыпанная сухими листьями и хвоей. Из-под неё высунулся мужчина с винтовкой за спиной и потрёпанным биноклем на шее, помахал рукой.

— Откуда дети? — крикнул дозорный, и его острый взгляд скользнул по оборванным фигуркам.

— Вертигорцы! — кратко ответил Андрей.

— Оттуда тишина уже несколько дней, — голос Соловья стал суше. — Со стороны старой шахты пыль да грохот стояли. Дети ничего не знают?

Андрей многозначительно посмотрел на спутников, на их исхудавшие, перепачканные лица.

— Они едва на ногах держатся, Соловей. Поговорим на сходе. Позже.

— Ладно, проходи, — кивнул дозорный и скрылся под сетью, слившись с лесом.

Группа двинулась дальше. Вскоре тропа упёрлась в высокий частокол из заострённых, почерневших кольев. Перед ними были массивные ворота из цельных плах, у которых темнели силуэты охраны. После короткого оклика Андрея ворота со скрипом отворились, пропуская их внутрь.

То, что открылось взгляду, было похоже на сон или старую гравюру. Деревня стояла у воды. Аккуратные срубы поднимались на сваях, обшитые досками выцветшей, почти серой бирюзы.

К ним, постукивая каблучками по настилу, подошла рыжеволосая женщина с волосами, собранными в тугий пучок. Взгляд её был внимательным и оценивающим.

— Здравствуй Андрей. Мы уже начали волноваться, с вашего маршрута доносились странные звуки, — голос был ровным, но в нём чувствовалась тревога. — Что случилось? И кто эти дети?

— Всё расскажу на вечернем сходе, Анна, — твёрдо ответил Андрей. — Сейчас им нужно горячее, отдых и чистая одежда. Займись, пожалуйста. А мне надо в лазарет парня отнести, а потом к главе.

— Хорошо, я поняла, — кивнула Анна. Лицо её на миг смягчилось. — Пойдёмте со мной.

Грибник с сыном, неся бесчувственного Эрика, направились к срубу с красным крестом на ставне. Усталые дети, чувствуя себя как в густом сне, потянулись за рыжеволосой женщиной, неуверенно шагая по зыбким мосткам нового, временного и странного пристанища.

Деревня у озера замерла в предвечерней дремоте, но у одного из домов на берегу собрался шумный женский совет. Суета была искренней и громкой.

— Да их сначала отмыть нужно, а потом уже кормить! — настаивала одна из женщин, глядя на перепачканных землёй, сажей и следами слёз детей. — Вон в какой саже, дышать вредно!

— Что ты! Видишь, какие измождённые, щёки впалые? Сперва накормить, отогреть, а уж потом в баню! — горячо возражала другая, размахивая ложкой.

Дети стояли, прижавшись друг к другу, рядом с рыжеволосой женщиной Еленой. Смущённо и устало наблюдали за спором. Запах свежего хлеба из раскрытой двери смешивался с озёрной сыростью и дымом, кружил голову.

— Девушки, тише! — Елена хлопнула в ладоши. — Давайте без споров, разделим обязанности. Сашуля, вы с Аллой займётесь едой, грейте щи. Инна и Ольга, подберите одежду по размеру из общих запасов. А мы со Светой отведём их в баню.

Женщины покивали и разошлись. Воздух перестал вибрировать от повышенных тонов.

— Женский коллектив — сила, которую нужно направлять в мирное русло, — с лёгкой улыбкой сказала Елена.

— И не говори, — вздохнула Анна, поправляя платок. — По любому поводу собрание устроят, хоть с супа, хоть с мыла.

За плетёным забором из лозы столпились местные ребятишки, с жадным любопытством разглядывая новоприбывших. По деревне уже пронёсся слух, что дядя Андрей привёл из глухого леса чумазных детей после странного грохота и зарева.

— Как вас звать-то, детки? — ласково спросила Елена, опускаясь на уровень их глаз.

— Я Мэри, — тихо ответила девочка. — Это Платошка, Мила и Жорик. А Эрика куда-то проводил дядя Андрей... — Она замолчала, в глазах мелькнула тень. — И ещё с нами был Пашка, но он пропал.

— Как пропал? — встревожилась Елена. — Здесь, в наших лесах?

— Нет, — Платошка мрачно уставился на дыру в своём кроссовке. — Мы жили у профессора Иоанна, далеко в чаще. Пашка уехал с ним и не вернулся. А потом начался пожар.

— А профессор где? Что с ним? — ещё мягче спросила Анна.

Дети переглянулись. Ответила Мэри, и голос её дрогнул:

— Он умер...

На лицах женщин застыло потрясение, а затем — волна острой материнской жалости. Елена инстинктивно притянула к себе маленькую Мэри, ощутив хрупкость её плеч.

— Господи... Милые вы мои... Что же вы пережили, — прошептала она. В глазах блеснули слёзы.

Она выпрямилась, смахнула их и твёрдо взяла Мэри за холодную руку.

— Всё позади. Пойдёмте в баню, отогреетесь, отмоетесь, а потом вас горячими щами накормят. Вы в безопасности.

Окружённые тёплым кольцом заботы и безмолвного сочувствия, дети послушно потянулись за женщинами по деревянным мосткам к почерневшей бревенчатой бане на краю озера. Оттуда уже валил густой душистый пар, и в нём, казалось, растворялись все ужасы, уступая место простому человеческому теплу.

— Ну что с ним, док? — тихо спросил Андрей, стоя в углу кабинета деревенского врача.

Доктор, седовласый мужчина с лицом, испещрённым морщинами усталого сострадания, отложил стетоскоп.

— Не могу понять. Клинически здоров. Пульс ровный, дыхание глубокое, сатурация в порядке. Кортикальная активность высокая, будто он решает сложнейшую задачу, а не спит. — Он покачал головой, глядя на неподвижного Эрика.

— Если бы не твоя история, Андрей, подумал бы, что мальчик просто впал в глубокий восстановительный сон. Он истощён. — Доктор вздохнул.

— Поставлю датчики постоянного мониторинга. Робот-няня присмотрит. Пусть отдыхает, тело и разум требуют покоя. Парень видимо дошёл до предела.

Эрик видит сон, отца в деталях, которых не помнил наяву: царапина на щеке, усталые морщинки у глаз. Тот надевает тяжёлый гидрокостюм, и каждый звук — шипение застёжек, скрип неопрена — отдаётся в ушах с болезненной чёткостью. Вокруг люди в серой униформе, лица искажены панической яростью. Кричат, тычут пальцами.

«Это из-за них!», «Они виноваты во всём!».

Профессор Виола, хрупкая, но негибкая, заслоняет его собой.

Отец оборачивается. Взгляд, тёмный и бездонный, встречается с взглядом Эрика сквозь толпу. Он не улыбается. Молча, чтобы видел только сын, прижимает сжатый кулак к сердцу — их старый знак: «держишь», «я с тобой».

Потом резкий мрак. Ледяная, давящая чернота. Вода, солёная и маслянистая, затопляет всё вокруг, проникает в уши, нос, горло. Голоса сквозь помехи, сквозь хрип и треск:

«Утонул — и хрен с ним! Нет времени!»

Он один в ледяном беззвучном мраке затопленного туннеля. Вдали, медленно и неотвратимо, уплывает последняя золотая точка — огонёк вагона «Левиафана». Отец остаётся там, в той тьме. Навсегда.

Голос, металлический и настойчивый, пробивался сквозь кошмар.

— Проснись... Проснись...

Эрик открыл глаза. Воздух в кабинете пах гарью и оплавленной пластмассой. Робот-няня застыл у кровати в неестественной позе, из его фоторецепторов тянулись струйки дыма. Мониторы погасли, на центральном экране мигал значок «КРИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕГРУЗКА».

Мальчик в ужасе заозирался, грудь вздымалась. Доктор, побледневший как известь, тыкал дрожащим пальцем в мёртвые экраны, бормоча:

— Ничего не понимаю... Энергосистема перегружена... Сбой по всем параметрам сразу... Такого не может быть...

Эрик зажмурился. По грязным, исцарапанным щекам покатились горячие беззвучные слёзы. Он поджал губы, сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Потом выдохнул, вытолкнул из себя единственное слово:

— Па-па...

Рыжий сидел в кабинете, делая вид, что изучает механизм старинных карманных часов, разложенных на зелёном сукне. Воздух в комнате был густым и спёртым, пропитанным напряжением, оседающим пылью на мебели.

— Слушай, Валентин, мы тебя все уважаем, — начал один из охранников, переминаясь на пороге. — Ты это знаешь. Но после того случая с наёмником... люди перестали нас бояться. Смотрят в спину не так.

Рыжий не поднимал глаз, продолжая водить отвёрткой по миниатюрным шестерёнкам.

— Ты меня слышишь?

— Слышу.

— И что ты предлагаешь делать? — в голосе охранника прорвалось раздражение.

— Если люди хотят жить без моего участия, без моих возможностей и средств — пусть живут, — ровно ответил Рыжий. Слова повисли в воздухе приговором.

— Мы годами набивали авторитет в этом поселении! Кровью, потом! Остальные общины с нами считались. А сейчас... — охранник швырнул смятую фуражку на край стола. — Каждый шепчется за углом, что нас взяли за яйца и использовали как придорожных шлюх!

Рыжий медленно поправил очки на переносице. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем хронометра и тяжёлым дыханием.

— Я что-нибудь придумаю, — произнёс он, не отрывая взгляда от механизма.

— Ты уж постарайся, — бросил охранник и вышел, хлопнув дверью.

Как только дверь захлопнулась, с Рыжего словно сняли тугой корсет. Он отложил часы, откинулся в кресле и тяжело выдохнул.

— Пашка, можешь выходить.

Дверца книжного шкафа бесшумно отворилась, и из потайной комнаты на цыпочках вышел маленький Пашка.

— Пряники любишь?

Мальчик молча кивнул.

— Садись. Сейчас посмотрю, что есть.

Пока Пашка уплетал угощение, Рыжий налил ему в гранёный стакан парного молока.

— Вечером принесут ужин. Будем есть мясо с картошкой. У меня теперь, Паш, проблемы... Но я тебя в обиду не дам. Обещаю. — Он поставил стакан перед мальчиком.

— Если я говорю «прячься» — ты сразу, без вопросов, уходишь в комнату и закрываешь дверцу на крючок. Хорошо?

Пашка с набитым ртом снова кивнул.

Рыжий смотрел на него, и впервые за долгие годы власти почувствовал незнакомое чувство — не досаду или ярость, а глухую, беспомощную грусть. Весь его мир, выстроенный на страхе и расчёте, перевернулся, и в центре хаоса оказался этот чумазый мальчишка.

Он вышел в кладовую и вернулся с небольшим пыльным ящиком.

— Смотри, Паш, это тебе. Я долго собирал. — Он открыл жестяную коробку, полную старых, но тщательно вычищенных машинок. — Советские игрушки. Вот «Волга»-милиция, скорая помощь, а вот «Жигули» — мечта любого пацана в моё время.

Он стал катать их по столешнице, имитируя моторный звук. Пашка осторожно взял полицейскую «Волгу».

— Ладно, Пашка, мне нужно решить пару вопросов. Никуда не выходи, хорошо?

— Хорошо, — тихо, но чётко отозвался мальчик, не отрываясь от машинки.

На пороге Рыжий на секунду замер, по старой привычке перекрестился на тёмный угол, где висела икона, и вышел, плотно прикрыв дверь.

На улице было пасмурно. Жители, столпившиеся у входа в бар, замолчали и проводили его колючими взглядами.

— Дядя Валентин, а правда, что вас побили? — послышался голос.

— Его не просто побили! Его унизили! — крикнул кто-то из толпы.

Рыжий резко развернулся, выхватил пистолет и выстрелил в воздух. Толпа с визгом разбежалась.

— Не вам, гиены, судить меня! — прохрипел он, и лицо исказила судорога бешенства.

— Полегче, Валентин, успокой руку, — из дверей бара вышел хозяин Маркус, темново-лосый усатый мужчина с массивным золотым перстнем.

— Маркус, скажи честно: ты плохо живёшь при мне? Тебе чего-то не хватает? — Рыжий сжимал тёплый пистолет.

— Пойдём ко мне. Поговорим как цивилизованные люди, — Маркус кивнул в сторону бара.

Рыжий ощутил на себе десяток пристальных взглядов. Звяканье посуды и разговоры сменились гробовой тишиной. Он обвёл зал взглядом и проследовал в кабинет Маркуса.

Маркус налил два стакана мутного самогона.

— Ты, наверное, уже заметил...

— Заметил, — отрезал Рыжий.

— Ходят слухи. Что из-за тебя убили славных ребят. Что ты визжал, как суслик в капкане.

И что тебе хотели отстрелить кое-что поважнее денег.

— Мне нечего сказать. Спорить не буду. — Рыжий отхлебнул самогон. — Не нравлюсь — торгуйте сами, ведите дела без меня.

Маркус внимательно посмотрел на него.

— Появился тут один... смуту сеет. Хочет тебя вызвать на дуэль.

— Кто?

— Молодой сын Логинова. Глаза горят, как у волчонка.

— Значит, соседи решили подмять нашу дорогу под себя... — Рыжий покрутил стакан.

— Логин и Бенья начали кампанию против тебя. Приехали быки. У них дурные намерения.

— Пока что я ещё главный здесь. Не Бенья.

— Пока да. Но поговаривают, Бенья подкупил или запугал половину твоей охраны. В случае чего они перекараются.

— Я понял. — Рыжий допил самогон и поставил стакан с глухим стуком. — Ты знаешь правила за стенами. Если захотят сожрать — сожрут. Мой случай — без церемоний.

— Маркус, — Рыжий поднял взгляд, полный холодной решимости, — у меня просьба.

— Готов услышать.

— У меня дома малец. Пашка. Если со мной что случится... пригляди за ним. В уплату отдам хорошие средства. Схоронены в моей комнате, за третьей половицей от печи. Выйди на

Теней, сделай, чтобы от малого не избавились. Скажи — вопрос закрыт в обмен на мальчика. Там поймут.

— Откуда парнишка?

— Это уже не важно.

— Я присмотрю. Но чую, тебе возможно, пора уходить из города. Прямо сейчас.

— Я не буду бегать. — Рыжий поднялся и протянул руку. Маркус пожал её, и в этом рукопожатии было больше договора, чем в любой клятве.

На выходе из кабинета Рыжего ждала уже не просто толпа, а злая масса, подогретая выпивкой и страхом. Впереди, расставив ноги, стоял молодой сын Логинова.

— погоди, Валентин. Нам нужно поговорить.

— Ну, говори, — равнодушно бросил Рыжий.

— Вопросы к тебе есть.

— От кого?

— От меня. От всех этих людей.

Рыжий обвёл взглядом собравшихся. Среди знакомых лиц увидел чужаков — здоровенных парней из охраны Логинова младшего.

— Задавай.

— Ты не газуй! — парень нервно передёрнул плечами. — Меня зовут Александр, я сын Логинова!

— И что дальше?

— А то, что у меня к тебе претензия! Ты задолжал за солнечные батареи. Полгода тянем.

— Пойдём со мной, закрою долг. Сейчас.

— Нет! Ты отдашь сверху столько же! За обман!

— Ничего сверху не получишь. Получишь ровно столько, сколько должен. Разговор окончен.

Удар в висок пришёлся внезапно, сбоку. В ухе взорвался грохот, мир накренился. Рыжий рухнул на липкий пол, и на него обрушился град пинков. Толпа, как стая псов, кинулась избивать его у стойки бара.

На шум выскочил Маркус, но лишь беспомощно замер в дверях.

— За твоё неуважение ты отдашь всё, понял, старик?! Всё до нитки! — кричал Логин, брызжа слюной.

Последнее, что почувствовал Рыжий, — точный удар ботинком в висок. Сознание погасло.

— Добить его надо, — проговорил кто-то в толпе.

Маркус с трудом подошёл и дрожащими руками поднял пистолет Рыжего.

— Дай сюда, трясучка! — кто-то выхватил оружие. Раздался оглушительный выстрел.

— Вопрос закрыт, — глухо произнёс человек с дымящимся пистолетом, глядя на тело, под которым растекалась тёмная лужа.

В этот момент дверь распахнулась, и в бар вошёл начальник охраны Тесак с группой вооружённых людей. Автоматы нацелились на собравшихся.

— Мы так не договаривались, — холодно произнёс Тесак.

— Тесак, у нас не было выхода! Он лез! — залепетал Логин младший.

Тесак не ответил. Он подошёл к телу, присел и вытащил из-под куртки Рыжего холодный ключ от дома.

— Теперь мы можем поделить его добро по-честному. Половина — вашей охране, половина — нам, — поспешно предложил Логин.

Тесак медленно перевёл взгляд на Александра.

— Дрожишь? Папка не рассказывал, на чём строится настоящая власть? И что убивать не так просто, если не готов к последствиям? — Он понизил голос до шипения.

— Иди и передай отцу, что проблема решена.

Логин младший и его товарищи пулей выскочили из бара. Снаружи взревел и умчался вездеход.

— Ну а вы? — Тесак обвёл взглядом оставшихся. — Вы все ему должны были. Но дело не в этом, да?.

Вот новый расклад: семьдесят процентов — нам, тридцать — вам.

— Но мы договаривались на паритет! Пятьдесят на пятьдесят! — возмутился человек в баре.

Тесак молча направил ствол ему в лоб.

— Мы договаривались, что Рыжего вышвырнут из деревни. Без убийства. А вы устроили публичную бойню. Это меняет условия.

— Это Логин младший сорвался.

— Займитесь телом. Скиньте в старый овраг за поселением, где мусор жгут. И наведите порядок. И чтобы все знали одну правду: Рыжий кинулся с ножом на Александра Логина и был убит при самозащите. Всем ясно?

— Ясно, — хором ответили свидетели, опуская глаза.

— Через час встречаемся у его дома. Посмотрим, что он для нас припрятал. — Тесак вышел, уводя людей.

Дверь захлопнулась, оставив внутри давящую тишину. Воздух гудел от выстрела, в нём висел сладковато-металлический запах крови, смешанный с вонью пороха и страха. Маркус опустил на стул, руки его дрожали. Он уставился на тёмное пятно на полу.

— Что ж, братцы... Берёмся за дело. Надо убрать это. — Мужик в кожанной куртке кивнул в сторону тела.

Никто не двигался.

— Эй! Проснитесь! Вы слышали, что сказал Тесак? Через час! Если не уберём — нам всем крышка!

Это встряхнуло их. Двое караванщиков взяли за ноги, торговец и ещё один мужик — под мышки. Тело оторвали от пола с мокрым звуком и понесли к выходу.

Маленький Пашка услышал скрип ключа в замке и приглушённые голоса за дверью. Сердце ёкнуло от слабой надежды — может, дядя Валентин вернулся? Он осторожно выглянул из убежища в узкую щель.

Но это были незнакомцы. Грузные мрачные мужчины ворвались в дом, будто в свою кладовку, сметая грязь с сапог на чистый порог.

— Накопил барахла, стервец, — раздался прокуренный голос за стенкой. Пашка вздрогнул, прижавшись спиной к доскам.

— Половина — хлам. Коллекционер ненормальный, — флегматично ответил другой.

— Чего встали? Всё, что блестит, — в зал! Делить будем при всех!

Послышался грохот мебели, скрежет ящиков, треск рвущейся ткани. Через щель Пашка видел, как главари с холодным блеском в глазах разглядывали «трофеи» — серебряные чаши, приборы, свёртки ткани.

Внезапно дверца шкафа с визгом распахнулась. Луч света ворвался в темноту.

— Одни старые книги, — пробурчал кто-то, и груды фолиантов полетели на пол. Чьи-то руки шарили по верхним полкам, но скрытая дверь осталась незамеченной.

Погром переместился на второй этаж. Пашка, прижавшись к узкой кровати, зажмурился и зажал уши ладонями. Каждый удар и грубый смех отдавались ледяной дрожью.

— Где-то у него была коллекция машинок, — донёсся снизу голос. — Для сына прихватчу, никто не против?

Затем — глухие удары по стенам. Дом содрогался.

— Тут должен быть тайник. Деньги-то куда дел?

Пашка подкрался к щели. В зале, заваленном добром, люди с ломami простукивали стены. Другие делили найденное: одежду, инструмент, бутылки с алкоголем.

— Всё это мелочь! — взорвался один, отшвырнув стул.

— Где настоящие деньги?

— Весь дом переверните! — скомандовал Тесак. Затрещал паркет, полетела штукатурка. Шкаф снова распахнули.

— Давай сдвинем! Должен быть сейф!

— Не поддаётся.

Кто-то постучал по задней стенке. В одном месте звук был глухим, в другом — пустым. Раздались два хлопка выстрела. Из дыры посыпалась кирпичная пыль, из другой показалась чернота.

— Тайник! Вскрывать!

Деревянная обшивка подалась с сухим треском. Перед грабителями предстало маленькое помещение с полками, уставленными стеклянными банками. В них тускло блестело золото и мерцали купюры.

Один из мужчин вломился внутрь, схватил банку, сорвал крышку.

— Рубли! Сталинские! Горсть!

— Дай сюда! — банда хлынула в тайник, толкаясь и ругаясь. Рвали банки, вытряхивали содержимое в мешки.

Они не сразу заметили дальний угол за комодом. Один из них свёл луч фонаря в сторону и замер, выронив самокрутку.

За комодом, в пыли и паутине, прижав к груди жестяную коробку с машинками, сидел бледный Пашка. Его глаза, полные ужаса, смотрели в свет фонаря.

— А это ещё кто? — мужчина склонился над ним, обдав запахом перегара и пота.

Все обернулись. Крошечное пространство заполнилось грозными телами.

— Выходи! — кто-то рванул его за руку. Пашка вскрикнул.

— О, а вот и машинки! — другой выхватил коробку из дрожащих пальцев.

— Что с ним делать? Отпрыск Рыжего?

— От проблем надо избавляться. Свидетель. Лишний рот.

Маркус стоял в дверном проёме, лицо его было серым. Совесть грызла изнутри.

— Стойте, — хрипло произнёс он. — Я его возьму. Сведу к «чёрным» перекупщикам. Деньги за него — в общий котёл.

— «Чёрные» сюда не ходят.

— Я знаю, где искать. Мальчишка исчезнет, никто не вспомнит, — с надрывом сказал Маркус.

Тесак холодно посмотрел на него и кивнул.

— Ладно. Выносите деньги. А ты, Маркус, смотри... чтобы завтра его духу здесь не было.

— Будет сделано.

Когда последняя банка была вынесена, Маркус сказал:

— Заколотите вход досками. Пусть посидит, пока не решу, как с этим быть.

Доски с глухим грохотом прибили к проёму, отрезая мальчика от мира. Маркус, не оглядываясь, пошёл домой — к тёплому свету, к семье, к сыну. Лицо его было землисто-бледным. Войдя в прихожую, он налил полный стакан виски и выпил залпом.

— Маркус, что случилось? — встревожилась жена. Подбежал сынишка Степан.

Маркус обнял их, прижал к себе, целовал в макушки, шептал, что теперь они обеспечены. Он пытался заглушить ледяную пустоту внутри. Распахнул сумку, и на стол высыпались пачки рублей, золотые монеты, безделушки.

— Здесь хватит на всю жизнь. На настоящую жизнь, — голос прозвучал чужим.

— Боже... Откуда? — прошептала жена, и глаза её округлились от ужаса.

— Не спрашивай. Я продам бар, и мы уедем далеко. В нормальное место, где тихо. —

Он поцеловал её в лоб.

Посмотрел на Степана, трогавшего цепочку. Мальчик был почти ровесником Пашки — те же светлые волосы, доверчивый взгляд. Маркус не хотел видеть сходства, но судьба выводила его контуры как укор.

— Спрячь деньги. Хорошо спрячь. Я уйду ненадолго, нужно решить один вопрос.

— Хорошо, — жена собрала богатство и унесла в спальню.

Маркус прижал Степана к груди, поцеловал в темечко, вдыхая детский запах. Затем надел куртку и вышел в холодную мглу ночи.

Пашка остался сидеть на краю кровати в полной темноте. Он боялся пошевелиться, боялся дышать. Снаружи доносился пьяный гул голосов, звон бутылок — люди делили имущество Рыжего, его странного защитника. А его будущее было заколочено вместе с ним в этой крошечной могиле, пахнувшей пылью, старым деревом и страхом.

Он был слишком мал, чтобы осознать извивы взрослой жизни, но уже ощутил её холодный клинок. Оставалось только ждать в кромешной тьме, куда свет проникал лишь тонкими пыльными лучами сквозь щели. Ждать неизбежного и страшного. И мысленно, зажмурившись, тосковать по маме.

Пашка проснулся, свернувшись калачиком на жёсткой кровати, от громкого треска и скрежета. Доски, забивавшие вход, срывали изнутри. В облаке утренней пыли в проёме стоял Маркус. Силуэт казался огромным и чужеродным.

— Идём, малой.

Пашка испуганно смотрел на него недоверчивыми глазами.

— Пойдём, покормлю. А потом отправлю тебя в безопасное место, — голос Маркуса прозвучал плоско, как заученная фраза.

Пашка медленно сполз с кровати и нерешительно подошёл. Маркус, видя его животный страх, на мгновение смягчился. В потухшем взгляде мелькнуло что-то, похожее на вину.

— Давай руку. Всё будет нормально.

Но Пашка не взял протянутую ладонь. Он молча, опустив голову, вышел из комнаты-узилица в главный зал. Открывшаяся картина была удручающей: весь дом перевернут, вещи Рыжего валялись в пыли и осколках, мебель разломана в поисках тайников.

— А где дядя Валя? — тихо спросил Пашка, оглядывая руины.

Маркус тяжело вздохнул.

— Дядя Валя уехал. Далеко и надолго. Попросил о тебе позаботиться.

Он присел на корточки, чтобы быть на уровне с мальчиком. Запах перегара стал ощущаемее.

— Сегодня я передам тебя другим людям. Добрым. Они увезут тебя в хорошее место. Здесь сейчас небезопасно.

— Но дядя Валя сказал, что не оставит меня одного, — с детской прямоотой настаивал Пашка.

Маркус резко поднялся, отвернулся. Грубо взял мальчика за запястье и повёл к выходу.

— Дядя Валя был хорошим человеком. Ему просто не повезло, — буркнул он, захлопывая дверь, а с ней — и прошлую жизнь Пашки.

На улице кипела обычная жизнь, контрастирующая с их мрачной миссией. Дети с визгом гоняли по пыльной площади, запрыгивая в кабину ржавого грузовика. Женщина на втором этаже развешивала бельё, напевая мелодию.

— Дядя Маркус, а это кто с тобой? — крикнул мальчишка, притормозив.

— Сын клиента. Уезжает к родне, — бросил Маркус, не сбавляя шага.

— А как звать-то?

— Пашка.

— Пашка, заходи как-нибудь, поиграем! — донёлся беззаботный голос. Пашка лишь украдкой взглянул на играющих детей, пока Маркус тянул его за собой.

Бар был закрыт, но внутри курились и перешёптывались несколько мрачных фигур. Воздух, вырвавшийся из-под двери, был густ от табачного дыма, перегара и чего-то опасного.

— Вот он, — Маркус слегка подтолкнул Пашку в полосу тусклого света.

Высокий мужчина в потёртом плаще и фетровой шляпе безразлично окинул мальчика взглядом.

— Сколько ему?

— Семь-восемь, — быстро ответил Маркус.

— Шесть, — тихо, но чётко поправил Пашка, подняв чистый взгляд.

Незнакомец фыркнул, взял Пашку за подбородок, грубо повертел голову.

— Мал. Хил. Работать не сможет. Не товар. — Он развернулся к выходу.

— Стой! Полцены! Отдам за полцены! — почти взмолился Маркус, хватая его за рукав.

Человек в шляпе швырнул ему небольшой холщовый мешочек, звякнувший металлом. Второй незнакомец без слов взял Пашку на руки и понёс к чёрному, заляпанному грязью фургону.

Маркус на мгновение встретился с взглядом Пашки — растерянным, полным немого вопроса и предательства. Он быстро отвернулся, сжимая мешочек.

Незнакомцы грузили в утробный транспортёр ящики и тюки. Человек в шляпе усадил Пашку на холодный металлический пол в кузове.

— Поешь, малец. — Он протянул кусок холодной варёной картошки и ломоть чёрствого хлеба.

Пашка, дрожа, начал есть, заглушая голодом подступающие слёзы. Незнакомец снял шляпу, вытирая пот. Открылся лысый череп в шрамах, левая половина заменена на грубую железную пластину, скрывавшую пустую глазницу. Пашка отшатнулся, подавившись хлебом.

— Не ссы, не укушу, — сипло усмехнулся тот и принялся сверять список в блокноте. — Так... Коля, одиннадцать. Самина, восемнадцать. Пашка... семь. — Он цыкнул. — В этот раз привоз слабоватый.

Он постучал по перегородке в кабину. Люк открылся

— Едем. Без остановок. Прямоком на «Мёртвое озеро».

— Понял, — раздался хриплый голос.

С рёвом завелись моторы. Колонна из трёх бронированных транспортеров, похожих на передвижные склепы, тронулась и медленно поползла в сторону глухого леса, увозя Пашку в холодную неизвестность.

Тесная изба в деревне рыбаков гудела, как раскалённый улей. Длинный стол под чистой белой скатертью пестрел золотистыми крошками и пятнами соуса. Румяные птицы, пахнущие дымом и тмином, пластины алой солёной рыбы, корзина с истекающим соком уловом дымились среди глиняных мисок и потёкших кувшинов. Дети, розовощёкие от жара печи, торопливо черпали ложками густую уху. Старшие с мягким скрипом разламывали тёплый хлеб, подливали в кружки взвар, следя, чтобы хватило всем.

Вечерний разговор у озера тянулся медленно, как дым от трубки.

— Я отправил телеграмму в Москву. Теперь жду ответа, — Егоров, глава деревни, сделал вдумчивую затяжку. Густой дым смешался с сизой вечерней прохладой, поднимающейся от воды.

— Значит, этот тигр... он защищал детей до конца? От Змея? — переспросил Егоров, не отрывая взгляда от тлеющего табака.

— Да. Они оба рухнули в скважину. В ту самую, сверхглубокую... — голос Андрея дрогнул, став тише шелеста камыша.

Скачок напряжения в ветхой сети заставил лампочку на веранде болезненно помигать, отбрасывая нервные тени на усталые, обветренные лица.

Егоров и Андрей сидели в тягучей тишине, наблюдая, как багряное солнце тонет в гладкой поверхности озера, окрашивая воду в цвета расплавленного золота, меди и запёкшейся крови.

— Не могу жить без этого вида, — тихо проговорил Егоров, не отрывая взгляда от воды.

— Ладно, с детьми утром разберёмся. Пусть выспятся. Док присмотрит за тем парнем в лазарете. — Он тяжело поднялся, похлопал Андрея по плечу.

— У меня сегодня просмотр «Диалогов о рыбалке». Сваха из Москвы флешку привезла. Хочешь — заходи, — кивнул Егоров к двери.

Андрей слабо улыбнулся.

— Спасибо, в другой раз обязательно. Доброй ночи.

— Доброй.

Дверь закрылась с мягким щелчком, оставив Андрея одного на пустой веранде. Он ещё раз взглянул на тёмное, теперь свинцовое озеро, на первые звёзды в его неподвижной воде, и медленно, ссутулившись, пошёл к себе.

Москва

В персональные покои генерала Зимина, скрытые в сердцевине Московского метро, прибыл командир питерского фрегата Арсений Романов. Человек, публично причислявший себя к угасшей династии, хотя в кулуарах поговаривали, что настоящая фамилия его — Блохин, и сменил он её ещё в училище с прицелом на будущее.

Как бы ни сплетничали, Романов и впрямь выглядел так, будто сошёл с парадного портрета: безупречный белый мундир с золотым шитьём, идеально подстриженная эспаньолка, ухоженные усы. Настоящий царь в изгнании, нелепо и величественно явившийся в бетонное подземелье.

— Здравствуй, мой друг! — Зимин широко распахнул объятия. Голос гулко отразился от низких сводов.

— Здравствуй, генерал, — с лёгким наклоном головы, блеснув золотыми аксельбантами, ответил Романов.

— Как твоя вечная борьба с пиратами? Слышал, сына самого Думрика в плен взяли? Заслуженная охота.

— Так точно, — кивнул Арсений. — Попались на старой авантюре — снова ныряли к крыше Эрмитажа. Нелёгкое дело — охранять затопленные святыни от мародёров. Извлекать по крупицам память предков. Будто со дна истории.

— Понимаю. Напомни, какая там глубина до купола Спасителя?

— Пять метров. И с каждым годом ил засасывает глубже.

— Я никогда не доверял глубине, — мрачно заметил Зимин, глядя куда-то мимо гостя. — В ней всегда скрывается то, чему лучше оставаться скрытым.

— Слава Богу, основную часть коллекции эвакуировали до Великого Затопления, — вздохнул Романов.

— Но на дне остаётся ещё целое достояние. Целая погибшая цивилизация.

— За которое коллекционеры готовы платить бесконечно, — усмехнулся Зимин.

— Готовы. У меня на дирижабле кают не хватает — все они, со своими наёмными аква-лангистами, так и крутятся, сменяя друг друга, как прожорливые мухи. И ведь меняются «ценители», а запасы подводного золота, кажется, не иссякают.

— Дело, впрочем, нужное, — философски заметил Зимин. — Без наших договорённостей все эти золотые яйца Фаберже давно бы пылились на чёрном рынке в чужих руках. А нам они нужнее — это не просто безделушки. Это наша кровь. Наша история.

— Кстати, о ценностях... — Романов сделал едва заметный знак адъютанту, застывшему у двери. Тот бесшумно поднёс длинный футляр из тёмного дерева.

— Мой скромный подарок. Эта сабля томила в частной коллекции за Уралом. Мне её вручил один уважаемый гражданин Петербурга в обмен на небольшую услугу. Говорят, она когда-то принадлежала самому Пересвету.

Зимин бережно взял клинок. Металл был холодным и живым. Лезвие украшала тончайшая славянская вязь и гравировка с православными символами, которые, казалось, светились изнутри. Взгляд генерала стал тяжёлым, понимающим: он взвешивал не саблю, а смысл дара.

— Благодарю. Такой дар обязывает открыть лучшую водку. Ту, что хранится для особых случаев.

Он подошёл к потёртому дубовому шкафу, нащупал скрытую пружину. С лёгким щелчком открылась потайная секция. Зимин достал потемневший графин с мутноватой жидкостью и две гранёные рюмки. С соседней полки снял банку с маринованными огурцами.

— Эту водку мне двадцать лет назад подарил мой первый командир, Станислав Георгиевич Громов. На отъезд.

— Я слышал легенды о нём, — почтительно произнёс Романов, принимая рюмку. — Говорят, он с голодным медведем голыми руками мог сойтись и уйти победителем.

— И не просто мог, а сходил, — подметил Зимин, откручивая крышку. Резкий хлебный запах ударил в нос.

— Оттуда у него и шрамы были по всему лицу. Он заложил основу того, что теперь зовётся духом нашей армии. Не кодексом, не уставом — духом. Выпьем за него. За упокой.

Они выпили молча, одним движением, не чокаясь. Огонь прошёл по горлу, смягчившись острой прохладой огурца.

— Арсен, — Зимин опустил рюмку с сухим стуком.

— Ты единственный, кому я могу доверить эту информацию без купюр. Мы стоим на пороге войны. Возможно, последней для того, что ещё зовётся человечеством.

Романов замер, всем видом показывая предельное внимание.

— Архитрон и Уиткоф стёрли с лица земли Вертигорию. Точечными ударами. А тех, кто уцелел, добили в тоннелях при эвакуации.

Романов молча налил ещё по одной. Звон струи о стекло был единственным звуком.

— Мировое сообщество в лице Совета Гигас уже обвинило во всём Василича. Но, по моей информации, там не всё так однозначно. Слишком много нестыковок.

— Я читал официальный доклад, — хмуро произнёс Романов. — Он... странный. Слишком гладкий, вылизанный. Слишком убедительный, чтобы быть правдой.

— Именно. Мои люди на севере встретили караванчика, одного из первых, кто прибыл на место лагеря выживших. Он утверждает, что там была раненая женщина. Перед смертью она успела сказать, что дети... дети убежали в лес.

Романов медленно поднял бровь. В глазах мелькнул интерес, смешанный с тревогой.

— Но те леса опасны не только мутантами. Там же обитает проклятый Змей. Робот-охотник.

— Обитал, — поправил Зимин.

— Как это?

— Перед твоим прибытием я получил донесение от пристанских рыбаков с Синего озера. Местный грибник с сыном видели, как кибернетический тигр Рябинина бился насмерть со Змеем. И, судя по всему, они оба рухнули в затопленную сверхглубокую скважину. В бездну.

— И самое главное, — генерал пристально посмотрел на гостя. — Этому грибнику удалось спасти из чащи пятерых детей. Одного несли на руках — он был без сознания. И до сих пор не пришёл в себя.

— Интересно... — протянул Романов. В глазах под безупречной маской светского офицера вспыхнул холодный азарт охотника.

— У меня есть все основания полагать, что мальчик-беглец, «вертигорец», которого так яростно ищет Эргополис, сейчас находится среди этих детей. Это меняет всю шахматную доску.

— Нам нужно его спрятать. Не просто укрыть, а стереть с радаров. Осмотреть, изучить. Выяснить, зачем он нужен Эргополису на самом деле. В его лице может быть ключ — оружие или слабость. Ставки невероятно высоки. Наши дозорные на Белых островах передают: Архитрон начал аномальную активность. Зарево и магнитные бури поднимаются над его куполом с того часа, когда пала Вертигория. Это не совпадение. Они что-то задумали.

Тишина стала звенящей, будто воздух перед ударом молнии. Даже приглушённый гул вентиляции метро, казалось, затаил дыхание.

— Что ты предлагаешь? — Романов отставил рюмку, взгляд стал собранным.

— Мне нужно, чтобы ты укрыл мальчика у себя, в Петергофе. Здесь, в Москве, небезопасно. Слишком много чужих глаз и ушей. У тебя, в Питере... твои люди другой закваски. Старая интеллигенция, учёные, хранители. Лишних вопросов не зададут.

— Им и некогда, — усмехнулся Романов.

— Вечно погружены в антикварные аукционы, чайные церемонии и споры об искусстве допотопной эпохи. Хорошо, я укрою его. Но дальше-то какой план?

— Мне нужно время. Время, чтобы найти ответы, собрать улики, подготовиться к неизбежным провокациям. Очное заседание Совета Отказников через месяц. Я намерен выступить там и сказать всё, что думаю. Но для этого мальчик должен быть в безопасности.

Зимин выдвинул ящик стола и достал конверт.

— Пусть все думают, что это новый студент, переведённый из Московского университета. Я подготовил бумаги о запросе на его поступление в Питергофский лицей. Надеюсь, ты не откажешь в зачислении.

— Считаю, оно уже подписано, — ответил Романов, не взглянув на документы.

Он снова наполнил рюмки.

Романов тяжело вздохнул.

— Совсем недавно я жаловался супруге, что жизнь стала однообразной, как финская вода в штить. Спасибо, друг, что сегодня ты убедительно доказал обратное.

— То, как Совет отреагировал на уничтожение Вертигории... Мне это не понравилось. Мы дали «зелёный свет» их докладу и молча признали правоту машин, фактически отдав им на растерзание судьбы выживших.

— Разве не они всегда вершат судьбы в нашем мире? — с горькой иронией заметил Романов.

— Раньше были правила, Арсений! Негласные, но правила! Игра велась по ним! То, что случилось с вертигорцами... это не война. Это бойня. Хладнокровная зачистка. И её публично оправдали.

— Все договорённости рано или поздно нарушаются. Это естественный ход истории.

— Но не в этом случае! Здесь речь о смене парадигмы. Нас либо пытаются окончательно поставить на колени, показав наше истинное место — обслуживающего персонала при вечных хозяевах, либо планомерно лишают права на собственное будущее.

— Вполне возможно, что оба варианта одновременно, — мрачно парировал Романов, глядя на клинок Пересвета.

— Беглец... этот мальчик... Он — живое доказательство. Доказательство того, что в секретных лабораториях Эргополиса до сих пор содержат людей. Непонятно для каких целей. Для экспериментов? В качестве живых архивов? Он — улика.

— И что мы скажем Совету? «Вот он, посмотрите»? — Романов покачал головой. — Это вызовет мгновенный раскол. Эргополис просто выйдет из Организации, сославшись на нарушение суверенитета, и мы потеряем последние рычаги влияния. Ты же понимаешь, это прямой путь к тотальной войне, к которой мы не готовы.

— Война уже идёт. Просто мы, в своих удобных бункерах, отказывались это видеть. Мне нужны неопровержимые доказательства и время, чтобы раскрыть их истинные планы. Мальчик — ключевое звено. Он должен выжить.

Зимин откинулся в кресле, уставившись в копоть на потолке. Наконец выдохнул, и в голосе прозвучала редкая личная нота:

— Арсен, доверься мне в этом.

— Я отправлю за ним проверенный экипаж. Быстроходный, незаметный. Транспорт придёт к рыбакам на озеро через три дня. Я лично переговорю с мальчиком по прибытии в Питергоф. Устроим его в лицее под крылом у Полины Андреевны, она умеет хранить секреты.

— Хорошо. Кроме тебя, Арсен, у меня больше нет людей, кому я мог бы доверить такое дело.

— Пришло время питербуржцам и москвичам наконец-то пожать руки по-настоящему, — с вымученной улыбкой произнёс Романов. И протянул руку.

Зимин взял её. Рукопожатие было крепким, мужским — в нём передалась тяжесть ответственности, взаимное уважение и решимость идти до конца.

Деловая часть встречи была исчерпана. Генерал достал ещё одну бутылку, уже не столь церемониальную, и разговор плавно перетёк в другое русло — в воспоминания о семьях, забавные рассказы о детях, старые армейские байки. Два лидера, несущих на плечах груз остатков цивилизации, на несколько коротких часов позволили себе забыть в иллюзии мирной жизни, находя спасение в тёплых воспоминаниях, пока за стенами бункера тикали часы, отсчитывая время до новой бури.

Глава 2: Тайные связи.

Вергилий заглушил двигатель мотоцикла перед воротами, собранными из ржавых листов металла и искривленной арматуры. Навалившаяся тишина оглушила, став почти осязаемой после долгого рёва дороги. Воздух, неподвижный и тяжёлый, пах раскалённой пылью, горелой соляжкой и сладковатой гнилью из-за ограды.

— Крутой вездеход, — лениво окинув взглядом квадроцикл и седока, проговорил охранник. Его глаза, привыкшие к скуке, скользили по пыльным обводам техники.

— Спасибо. Мне бы отдохнуть с дороги. — Голос Вергилия был сух и обрывист, как треск ветки. Усталость тяжёлым грузом вдавливала его в седло, и ныли мышцы спины.

— Здесь лучший отдых. Бар «У Чёрта на Куличках» — самогон и тишина. Но сейчас пропускаем только за плату. Таковы правила. — Охранник выдохнул струйку дыма, наблюдая за реакцией.

— Лишних денег нет, — Вергилий потянулся в потрёпанную сумку. — Но есть это. — Он достал компактный арбалет. Матовый чёрный металл холодно блеснул в тусклом свете. — Почти дозвуковые стрелы. Не мой профиль, так что готов обменяться.

Охранник взял арбалет, почувствовав приятную тяжесть в руках, щёлкнул спуском. Сухой, точный звук механизма заставил его лицо просветлеть.

— Да, модель хорошая. Проезжай. И запомни: в городе запрещена стрельба и демонстрация стволов. Нарушение карается конфискацией. Или смертью. Как карта ляжет.

Вергилий коротко кивнул и въехал в лабиринт из помятой жести, гнилых досок и мутного поликарбоната. Дома-трущобы лепились друг к другу, их тени падали узкими колодцами, а с покосившихся крыш смотрели на мир старые солнечные батареи, покрытые толстым слоем пыли.

— Ого, какой крутой квадрик, дядя! — К технике сбежалась стайка оборвышей, босые ноги поднимали облака рыжей пыли.

— В какой стороне у вас можно перекусить? — спросил Вергилий, чувствуя, как на язык уже налипает пыльный вкус.

— Перекусить? А, ты про бар! — дети переглянулись, в их взгляде мелькнула озорная искорка. — Прямо, вдоль базара, а потом налево. Здание с красной крышей, она вся ржавая!

Один из мальчишек, самый мелкий, отделился от группы и подошёл почти вплотную к колесу.

— Вы стрелять не будете? — прошептал он, вытаращив глаза.

— А что у вас тут небезопасно? — с лёгкой, натянутой улыбкой спросил Вергилий.

— Недавно дядя приезжал на крутом мотоцикле, только на двух колёсах, чёрного цвета. Охранника одного убил, а второму, толстому, яйца отстрелил! — дети, не сдержавшись, захихикали, но смех их был нервным и коротким.

— Весёлые нравы, — одними губами отметил Вергилий.

— Ясно. Жизнь тут кипит.

— У нас всегда кипит! — прокричали ему вдогонку дети, уже разбегаюсь по узким улочкам, как испуганные тараканы.

Он двинулся дальше; гудение мотора растворялось в нарастающем гуле. Вергилий остановился у края рынка. Здесь торговали всем — от вздувшихся консервов до перепаянного оружия, разложенного на рваных брезентах. Крики зазывал, ругань, лязг металла и приглушённая музыка из динамиков сливались в один оглушительный, непрерывный рёв.

— Аптечки! Противорадиационные! Самые свежие!

— Мужик, покупай снаряжение, качественное!

Вергилий пробирался сквозь плотную, пропахшую потом и чесноком толпу, когда краем глаза заметил человека в потёртом капюшоне, бесшумно пристроившегося к нему.

— Эй, мистер. Чернуха не интересует? — голос был низким и сиплым.

— Например? — буркнул Вергилий, не замедляя шага и не поворачивая головы.

— Не на улице же говорить. Иди за мной.

Незнакомец ловко, как угорь, нырнул в щель между двумя покосившимися лачугами. Вергилий, движимый давним инстинктом, левой рукой под курткой снял пистолет с предохранителя. Он почувствовал привычную шершавость рукоятки. За спиной в простых ножнах висел короткий меч — последний расчёт. Они вышли в узкий, тёмный проход, заваленный хламом, и упёрлись в неприметную, облезлую дверь в подвал. Незнакомец отстучал условный стук костяшками пальцев. Дверь со скрипом, похожим на стон, приоткрылась, и из щели на них уставилась пара настороженных, блестящих во тьме глаз.

— Заходи, — сипло бросил незнакомец, жестом указывая в чёрную пасть темноты.

Вергилий сделал шаг внутрь. Кожей спины он почувствовал, как дверь захлопывается с глухим, окончательным стуком, отсекая дневной свет и гомон базара. Его сменила давящая, могильная тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием и шёпотом из глубины подвала.

Комната в подвале оказалась неожиданно просторной, будто выгрызенной в глинистой почве. Воздух был густым и вязким от сигарного дыма, который медленно клубился под низким потолком, затягивая лёгкие едкой сладостью. За массивным столом, больше похожим на верстак, грубо сколоченным из досок, сидел здоровенный мужчина в дорогом, но мятом костюме; толстые линзы в его очках увеличивали глаза до неестественных размеров. По бокам, словно изваяния из тёмного полированного камня, замерли два добермана. Их взгляды, жёлтые и немигающие, впились в Вергилия с такой концентрацией, что по спине пробежал холодок.

— Ну, здорова, — сипло бросил человек, выпуская струйку едкого дыма прямо перед собой.

— Добрый день, — нейтрально, ровно ответил Вергилий, оценивая расстояние до выхода и до собак.

— Присядь на диванчик. А ты — свободен, — кивнул он человеку в капюшоне. Тот быстро и бесшумно ретировался, растворившись в тени у двери.

Вергилий опустился на потёртый диван напротив, пружины жалобно скрипнули под ним. Он чувствовал на себе не просто взгляды собак, а их сфокусированное, хищное внимание, готовое в любой миг перейти в движение.

— Меня зовут Бенджамин. Можно просто Бенья.

— Вергилий. Рад знакомству.

— Что ж, Вергилий, давай без лишних слов. Я хочу купить твой квадроцикл.

Вергилий едва заметно, одним уголком губ, улыбнулся.

— Вынужден отказаться. Этот «квадрик» стоил мне слишком дорого.

— То, что он дорогой, я и сам вижу. Теперь всё селение им любит. А это, сам понимаешь, небезопасно. — Бенья говорил медленно, растягивая слова, будто пробуя их на вкус.

Вергилий молча смотрел на собеседника, его лицо было непроницаемой маской, ясно давая понять: угрозы здесь не работают.

Бенья усмехнулся, показывая ряд жёлтых, неровных зубов. — У меня к тебе деловое предложение. Ты вообще в курсе, куда ты пришёл?

— К сожалению, я здесь впервые.

— Вот именно. А здесь люди завистливые. Могут в лицо улыбаться, а за пазухой нож держать. Только повернёшься — херакс! И всё, конец баллады.

Вергилий продолжал молчать, и Бене, видимо, наскучила его игра в молчанку. Хозяин подвала сделал новую затяжку, пепел упал на стол.

— Я вижу, ты пришёл сюда не просто так. Ты не похож на наёмников или рейдеров. Ты на «Чёрной бирже». И я могу сделать тебе подарок — бесплатно ответить на один вопрос. Второй вопрос будет стоить договора.

Вергилий на секунду задумался, его взгляд стал остекленевшим, будто он отсекал всё лишнее, оставляя лишь суть.

— Южнее был лагерь беженцев из Вертигории. На них напали. Есть ли выжившие?

— А тебе что интереснее — есть ли живые или что там случилось? — переспросил Беня, разминая окурки о железную пепельницу.

— Есть ли живые.

— Есть. Детишки удрали в лес. И светловолосая женщина — сбежала с младенцем на руках.

— Сбежала? От кого? — напряжение, стальная струна, натянулась в голосе Вергилия, выдав его.

— А вот здесь нам уже нужно договариваться, — Беня театрально развёл руками, указывая сигарой на пространство между ними.

— Спрашивай дальше.

— Как мне убедиться, что ты не врешь?

— Я живу информацией. Если бы я врал, меня бы уже сожрали вместе с моими собаками. — Он похлопал ближайшего добермана по голове. Собака не шелохнулась.

— И, чтобы ты не сомневался, вот тебе бонус.

— В Хламовске несколько дней назад был один малой с той заварушки, Пашка. Его продали на Чёрное озеро.

Вергилий сжал кулаки. Это была Виола. И Пашка. Скорее всего, сын начпрода.

— Что стало с женщиной?

— Предмет разговора — твой квадроцикл, — Беня отрезал, и в его голосе впервые прозвучала сталь, лишённая всякой игривости.

Вергилий, не отводя взгляда, выдохнул:

— Ты его получишь. За полный пакет информации.

— Снаряжение и оружие в сделку не входят, — добавил он.

— Та зачем мне твои побрякушки? Оставь себе.

Вергилий подошёл, чтобы пожать руку. Доберманы мгновенно, как одна тварь, встали в стойку, оглушительно зарычали и обнажили клыки. Звук, наполненный чистой яростью, заполнил комнату.

— Зеля! Рина! Место! — рявкнул Беня. Собаки, не сводя с Вергилия глаз, послушно легли.

— Прости, за хозяина готовы мать родную загрызть.

Их рукопожатие было крепким, сухим и коротким. Вергилий положил на зазубренную поверхность стола ключи, лёгшие с негромким, окончательным лязгом.

Беня нажал скрытую кнопку под столом. В кабинет забежал тот самый человек в сером капюшоне. Беня кинул ему в руки ключи от квадроцикла.

— Запоминай, а лучше записывай, — Беня протянул ему обрывок грязной кальки и короткий, истёртый карандаш. — На лагерь напали головорезы «Кабана». Он тот ещё психопат. Они грабят, насилюют, торгуют рабами. Ту женщину с младенцем позже поймали в лесу и загрузили в транспорт. Увезли на Мёртвое озеро. Там сейчас главный невольничий рынок.

— А дети? Те, что сбежали?

— Исчезли. В тех лесах даже волки срать боятся. Там водится «Амба» — ужасный зверь.

— Что за зверь?

— Тигр-робот. Творение сумасшедшего старика, который живёт в чаще. На реке нашли изодранные в клочья тела рейдеров, но следов детей — нет. Они просто испарились.

Вергилий вдумчиво смотрел на карту, он уже прокладывал маршруты, взвешивал риски.

— Но совсем недавно ещё кое-что случилось. По моей информации, сумасшедший доктор умер, а Пашка — единственный выживший малец — теперь на Мёртвом озере.

Тишина в комнате повисла гуще дыма. Беня внимательно посмотрел на Вергилия, оценивая, как последняя крупица информации легла в общую картину. Картина, судя по лицу гостя, складывалась мрачная и ясная.

— Где найти этого Кабана?

— Рынок на Мёртвом озере. У них там корабль на мели, их штаб. Вот, смотри, — он ткнул жирным пальцем в карту, оставив на ней отпечаток. — Ты здесь, а озеро — тут. Четыре дня пути, если знать тропы.

— Откуда такая точность?

— Мои люди есть везде, — ухмыльнулся Беня, и его увеличенные глаза за линзами стали хитрее. — Если в каком-то селении нет моего филиала, значит, там точно есть мой человек.

— Как туда попасть?

— Это уже следующий вопрос. И отдельный разговор, — Беня откинулся на спинку кресла, выпуская кольцо дыма.

Вергилий молча свернул карту и направился к выходу, его шаги по бетонному полу отдавались глухим эхом.

— Попасть туда можно, только имея «Чёрную метку» караванщика, — бросил ему вдогонку Беня, и его голос прозвучал как последний аргумент. — Без неё тебя прикончат ещё на дороге.

Вергилий остановился у двери, не поворачиваясь. Спинай он чувствовал тяжёлый взгляд хозяина комнаты и пристальное внимание собак.

— Есть вариант. Если отдашь мне всё своё барахло, я отправлю тебя с караваном. Через два дня. Думай.

Вергилий медленно обернулся. Его лицо было непроницаемо, но в глазах вспыхнула холодная искра.

— Ты предлагаешь мне отправиться без оружия? — спросил он, и в вопросе прозвучало не возмущение, а лишь уточнение условий.

— Я предлагаю закончить сделку полным сопровождением. Мои люди. Моя защита. Твоя жизнь в обмен на вещи, — ответил Беня, сложив руки на столе.

Пауза затянулась. Воздух сгустился от дыма и немного противостояния.

— Договорились, — наконец сказал Вергилий, и слова прозвучали как ультиматум.

Беня задумался, протирая толстые линзы очков уголком своего мятого пиджака.

Караван тронется с восточных ворот. Опоздаешь — уйдут без тебя.

Следующий день Мэри не отходила от Эрика. Местный врач, сухонький старичок в выцветшем халате, осмотрев его, развёл руками: парень здоров, только истощён, но несколько дней покоя не повредят. И Мэри устроила ему этот покой, превратив уголок в общежитии в маленький островок заботы. Она рассказывала, что видела за окном: как Платошка и Жорик — двое местных парней, с которыми они познакомились в первый же день — безуспешно, с громким плеском и руганью, учатся рыбачить с ветхого пирса. А Мила, краснея от усердия, учится готовить вместе с женщинами из материнского комитета на общей кухне. Рассказывала, что всем здесь нравится, люди добрые, отзывчивые, но старый, глухой страх потерять всё это снова — этот хлипкий кров, эту хрупкую безопасность — преследует её каждую ночь.

— Эрик, через несколько дней тут фестиваль рыбаков будет. Люди со всех окрестных деревень приедут. Мы с тобой должны поймать самую большую рыбу! — сказала она, сидя на краю его поскрипывающей койки, болтая ногами.

Она увидела, как под её напором он приоткрыл глаза — взгляд был мутным, но уже осознанным.

— Вставай.— Эрик, я знала, что ты меня услышишь. Эрик механически встал и потянулся, чувствуя, как скованность уходит из мышц, сменяясь лёгкой, знакомой слабостью.

— Что со мной было? — спросил он. Голос был тихим и немного хриплым.

— Не знаю. Ты просто закричал и... отключился. — Идём. Хватит отлеживаться.

— Доктор, можно ему со мной уйти? Спросила Мэри.

Доктор осмотрел Эрика и выписал его с госпиталя.

На старом, выдавшем виды пирсе, пахнушем смолой, рыбой и влажным деревом, компания местных мальчишек слушала байки Жорика и Платошки, которые, размахивая руками, живописали невероятные приключения.

— Эй, Эрик, Мэри! Мы тут! — крикнул Жорик, увидев их, чуть не свалившись от резкого движения в воду.

— Да вижу! И слышу — тебя за километр слышно! — огрызнулась Мэри, но в уголках её губ дрогнула улыбка.

— А вот и наш третий ловец! — Платошка хлопнул Эрика по плечу, едва не сбив с ног.

— Будешь с нами? У нас тут целая флотилия!

— Сейчас, разбежались! — Мэри упёрла руки в бока.

— Мы с Эриком будем рыбачить вдвоём. Вы меня в команду не звали, вот и получайте!

— Эрик сам выберет! — ухмыльнулся Платошка.

Эрик посмотрел на оживлённые лица ребят, потом на Мэри, которая глядела на него с неммым вызовом и надеждой.

— Я буду с Мэри, — тихо, но чётко сказал он.

— Ха-ха-ха! Смотрите-ка, он, наверное, влюбился!

— Променял друзей на девчонку! — зашушукались мальчишки, переглядываясь и подталкивая друг друга локтями.

— Ну и ладно! Идём, Эрик, будем закидывать с берега, — фыркнув, Мэри взяла его за руку и потащила прочь, прочь от смеха и любопытных взглядов.

Раздобыв две потрёпанные удочки и баночку червей, они устроились на пустынном, заросшем осокой участке берега, где тихая вода плескалась о плоские камни.

Тем временем в доме старосты было иначе — деловито.

— На праздник приедут большие гости. С самого Питера, — Егоров, перечитав полученное письмо ещё раз, снял очки и протёр их краем рубашки. Глаза его горели.

— Прямо с того самого? — помощник пухлый Палыч отложил в сторону кипу подсобных бумаг.

— Да, с самого. Рыбалка в этом году будет особенная, Палыч! Накроем стол метров на двадцать... нет, чёрт, на тридцать! Чтобы все гости поместились!

— А откуда у нас столько столов? — спросил Палыч, почесывая затылок.

— С этим разберёмся! Каждый из дома вытащит, что может. Этот фестиваль запомнят надолго! — староста с решительным видом откинулся на спинку стула, которая жалобно затрещала.

— Так, Эрик. Держишь удочку, вот крючок с червячком... Кидаешь в воду и ждёшь, — терпеливо объясняла Мэри, показывая каждое движение.

— Жду, — Эрик уставился на воду, держа удочку с болтающимся на леске жалким червячком над самой землёй.

— Да нет же! Хоть червячка-то в воду забрось! — рассмеялась Мэри и лёгким взмахом показала, как это делается. Леска с тихим всплеском ушла под воду.

Эрик старательно повторил её движения, поплавок шлёпнулся в паре метрах от берега, и он снова замер в напряжённом, почти недвижимом ожидании.

— Мы им всем утрем нос, этим дуралям! — кипятилась Мэри, глядя в сторону пирса.

— Девочке место на кухне! Может, и место, но не всегда! Особенно не во время развлечений!

— Неправильно вы, деточка, закидываете, — раздался за их спинами хриплый, словно проржавевший голос.

Они обернулись. Позади стоял седой как лунь босоногий рыбак с длинной, тёмной от времени удочкой через плечо. Его лицо было изрезано морщинами, как карта, а глаза смотрели знающе.

— Вам нормального поплавок не хватает. Тяжёлый груз тянет ко дну, рыба не клюнет. Но вам повезло — у меня пара запасных как раз есть. — Он протянул ладонь с двумя аккуратными, ярко-красными поплавками.

— На дне рыбы, с которой победить можно, нет. Вся матёрая рыба, язь да щука, ближе к поверхности ходит. Давайте-ка я вам покажу.

Старик ловко, привычными движениями прикрепил поплавки к их лескам. Его пальцы, узловатые и сильные, работали быстро.

— Вот. Глубину ставьте на ширину размаха рук — и будет вам счастье. Грузила у вас никудышные, болтаются... Сейчас. — Он порылся в своём потёртом, пропахшем тинной рюкзачке.

— Вот, берите эти. Свинцовые, хорошие.

— Спасибо вам, — сказал Эрик, разглядывая новое грузило.

— Да, спасибо огромное! — подхватила Мэри, сияя.

— Только сильно глубоко не ставьте, — старик подмигнул одним глазом, и в его взгляде мелькнула озорная искорка.

— Там, на дне, черепаха одна живёт. Древняя. Не дай бог разбудите — всю рыбу на километр распугает.

— Какая черепаха? — удивилась Мэри, насторожившись.

— Шучу я, шучу! Старая местная такая шутка! — он добродушно рассмеялся, и смех его звучал, как шелест сухих листьев.

— И главное — рыбачить-то на фестивале будете не с берега, а с лодок!

— Ой, я не знала!

— Потому я вам и нужную глубину показал. На лодке так и ставьте. Пользуйтесь на здоровье.

— А как вас зовут? — спросила Мэри.

— Меня зовут Дэна. Я не здешний, с того берега, с соседней деревни. Приехал на ваш фестиваль посмотреть.

— А мы тоже не местные! Мы из Вертигории.

— Ого, как неблизко... Ну, удачи вам, вертигорцы! Поймайте чемпиона! — старик Дэна махнул рукой и неспешно, слегка прихрамывая, пошёл вдоль берега.

— Так... Ширина размаха рук... Всё запомнила! — решительно заявила Мэри, сжав кулачки.

— Завтра мы всем покажем нашу силу! — Она посмотрела на Эрика и фыркнула:

— Что ты ухмыляешься?

— С твоего серьёзного лица, — рассмеялся Эрик. Впервые за несколько дней его улыбка была лёгкой и естественной. — Ты выглядела, как генерал перед битвой.

Мэри показала ему язык и с новым рвением забросила удочку. Поплавок лёг точно в нужное место.

— Знаешь, я очень переживала за тебя. Заходила к тебе в лазарет каждую минуту, доктор уже хотел закрыть дверь на замок, — рассмеялась Мэри, но в смехе слышалась невысказанная тревога.

— Я тоже переживал, там, в лесу, у профессора, — тихо ответил Эрик, его взгляд на мгновение стал отрешённым, будто он снова видел тёмные своды лаборатории.

— Хороший он был, жаль, что всё так случилось. Я не хочу, чтобы это место пострадало из-за нас, — вздохнула Мэри, следя за неподвижным поплавком.

Эрик молча погладил её по руке — этот жест был красноречивее любых слов.

— У тебя клюёт! — крикнул он, указывая на дёрнувшийся поплавок Мэри.

Та вскочила на ноги, забыв обо всём, и стала вытягивать удочку, почувствовав на том конце лески живое, отчаянное сопротивление.

Старенькая удочка дугой согнулась, леска издала тонкий, печальный звук — и оборвалась. Мэри, не успев сгруппироваться, шлёпнулась в мягкую прибрежную грязь.

С пирса тут же раздался громкий хохот. Платошка, Жорик и другие ребята, наблюдали за всей картиной, покотившись со смеху.

Эрик молча поднял Мэри. Грязь покрыла её штаны и спину.

У неё было багровое от злости лицо. Она, не раздумывая, схватила пригоршню липкой, холодной грязи с берега и швырнула в сторону пирса. Комок ловко попал Платошке прямо в щеку.

— Ай, Мэри, да мы же просто шутим! — убегая и отряхиваясь, кричали Жорик и Платошка, уже прячась за углом старого склада.

— Я покажу вам шутки! — кричала им вдогонку Мэри, вся дрожа от негодования.

— Даже я тебя испугался, — сказал Эрик, стоя позади, и в его голосе снова проскользнула улыбка.

— Завтра мы с тобой поймем большую рыбу. Самую большую, — сквозь зубы сказала Мэри.

Эрик повернулся в сторону озера, его взгляд стал тяжёлым и сосредоточенным, будто он прощупывал не только глубину, но и саму тишину, нависшую над водой. В его глазах отразилась тёмная гладь, и на секунду показалось, что он чувствует там что-то большее, чем просто воду и рыбу.

— Эрик, ты меня слышишь? — отвлекла его Мэри, слегка толкнув в бок.

— Идём на обед. Тётушка Света платком машет, — он кивнул в сторону деревни, где у крайнего дома действительно маячила фигура женщины, размахивающей белым платочком, как сигнальным флагом.

— Давай, малой, выходи.

Грубый толчок в спину заставил Пашку споткнуться и вывалиться из липкой темноты транспортера на слепящий, беспощадный дневной свет. Он оказался на огромной ржавой площадке, заставленной остовами кораблей, вросших в песок, словно скелеты гигантских рыб. Вокруг суетились люди, их фигуры мелькали в мареве жары. У грязных палаток шла бойкая торговля, и воздух гудел от чужих голосов, сливавшихся в оглушающий гул.

— Малой, ты не бойся, — торговец, жилистый мужик с обветренным лицом, похлопал его по голове с притворной, липкой жалостью.

— У нас клиенты адекватные. Кто тебя купит — будешь пол мыть да дрова колоть. В тепле и сытости.

Недалеко, у ряда таких же клеток, поднялся шум, резкий и металлический.

— Нет, отпустите! — раздался чей-то молодой, надтреснутый голос, а следом — глухие удары, звук рвущейся ткани, тяжёлое сопение.

Резкий, сухой хлопок выстрела отрезал крик на полуслове. В наступившей, звенящей тишине было слышно только тяжёлое, клопочущее дыхание, а потом — мёртвая, давящая тишь.

— Вот видишь? И ты не убегай, — торговец понизил голос до сиплого шёпота, его пальцы впились Пашке в плечо.

— Здесь охрана не шутит. Сразу в расход.

— Зачем меня продавать? — прошептал Пашка, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони.

— А кому ты ещё нужен-то, малой? — торговец протяжно вздохнул. — Мамка, небось, давно сгинула. Таких, как ты, никто не ищет.

Всё, что копилось в Пашке долгие дни — боль, леденящий страх, горькая обида — вырвалось наружу одной бешеной, слепой волной. Он резко, как пружина, развернулся и со всей детской, отчаянной силой ударил торговца между ног.

— НЕ ГОВОРИ ТАК ПРО МАМУ! — закричал он хрипло и пронзительно. Но сзади его, как мешок, схватили двое охранников — их руки грубо сдавили ему запястья и горло.

Торговец, побледневший до землистого оттенка и скрюченный от боли, с трудом выдохнул, глядя на мальчика снизу вверх с чистой, животной ненавистью:

— В клетку его... И высечь этого зверёныша. Догола!

Его швырнули в пыльную железную клетку как тюк с грязным бельём, и плеть со свистом рассекала воздух, обожгла спину огненной полосой. Один удар. Второй. Третий. Потом боль слилась в один пульсирующий огненный шквал, заставивший зубы сомкнуться до хруста. Сознание угасало, пока не погрузилось в густую, беспросветную черноту.

— Сдохнет, походу, малой, — бросил кто-то из соседей по несчастью, глядя сквозь прутья на неподвижное, иссиня-бледное тело в клетке.

— Такие рабы только место занимают. Да и кормить нечего.

— Давай я предложу его мистеру Брауну. Да, я знаю, у него репутация... странная. Но пусть хоть посмотрит.

— Показывай хоть чёрту лысому, лишь бы забрал, — сквозь зубы ответил торговец, всё ещё еле стоявший на ногах.

К вечеру Пашка пришёл в себя. Сквозь туман и тошноту в голове он дополз на локтях до жестяной миски с застоявшейся водой и жадно, давясь, напился. Его спина превратилась в одну сплошную, горячечную рану, ткань рубашки присохла к крови. Под глазом цвёл синеватый фингал, губа распухла и трескалась. Он прислонился лбом к холодным, шершавым прутьям, глядя, как одна за другой проступают на темнеющем небе первые, неверные звёзды.

— Я скучаю, мама... — прошептал он, и горячие, солёные слёзы потекли по грязным щекам, смешиваясь с кровью и пылью на губах.

— Почему я не умер, мне так тяжело без тебя... Так тяжело...

Он так и уснул, сидя, скрючившись, не решаясь пошевелиться и разбередить ноющую, пылающую спину.

Утром его разбудил резкий, оглушительный удар палкой по прутьям прямо над головой.

— Эй, зверь! Проснись, тебя покупать пришли! Шевелись!

Пашка с трудом, сквозь пелену боли, поднял голову. Его лицо было землистым, глаза впали и потухли. Мимо клетки проходили люди, бросая на него скользкие, равнодушные или безразличные взгляды, как на испорченный товар.

— Мистер Браун, вот тот дикарь, о котором я говорил. Крепкий, только... немного буйный.

Перед клеткой возник мужчина в идеально отутюженных, обтягивающих брюках и нелепом, кричаще-розовом галстуке. Его ухоженные, подкрученные усы и чистые руки контрастировали с окружающей грязью и копотью, как инородное тело.

— Кого здесь бояться? Он и стоять-то еле может. Открывайте, — велел он бесцветным, ровным голосом. — Сэр, он может быть опасен! — забеспокоился торговец, подобострастно изгибаясь.

— Вчера напал! Дверь с противным скрипом откинулась. Охранники втащили Пашку наружу и, держа под руки, как тряпичную куклу, бросили на колени прямо в пыль перед Брауном. Мальчик не мог даже держать спину прямо, она сгибалась, выдавая адскую боль.

— Знатно вы его отделали, — безразлично, как о погоде, сказал Браун. — Но он мне как дохлая крыса. Он даже не выживет. Зачем мне этот труп?

— Как это не может?! Сейчас встанет! — торговец, нервничая, шёлкнул плетью и ударил его со свистом по земле в сантиметре от Пашкиной ноги.

Тот, повинувшись древнему инстинкту, рванулся, попытался вскочить и побежать — но тело не слушалось. Он рухнул лицом в пыль, подняв маленькое облачко.

— Ах ты ж паршивая тварь! Я за тебя тридцать копеек отдал! — заорал торговец, заноса плеть для нового, уже смертельного удара по голове мальчика. — Я сам прикончу тебя! В расход!

Но его руку перехватил пожилой человек в длинном чёрном капюшоне — с железной, неумолимой хваткой. Он молча наблюдал за происходящим из гущи толпы. Его появление было внезапным и бесшумным.

— Я покупаю его, — голос незнакомца из-под капюшона прозвучал тихо, почти глухо, но с такой неоспоримой, каменной твёрдостью, что торговец на мгновение замер. Железная хватка на его запястье была холодной и неумолимой, не оставляя сомнений в серьёзности намерений.

— Нет, я сам прикончу этого засранца! — прохрипел торговец, пытаясь вырваться. Его лицо покраснело от бессильной злобы.

— Я сказал, покупаю.

Пальцы незнакомца сжались сильнее, раздался приглушённый, болезненный хруст. Торговец взвыл от боли, высоким, нечеловеческим голосом.

— Отпусти! Отпусти, кости ломаешь, чёрт!

Старик бросил ему под ноги небольшой, туго набитый мешочек, звенящий металлическим перезвоном. Легко, почти незаметно отстранил Брауна в сторону и, как пустой тюк, перекинул бесчувственное тело Пашки через плечо. Мальчик повис безвольно, его окровавленная спина была открыта всем взглядам.

— Эй, старый хрыч! Это невежливо! — крикнул ему вдогонку оправившийся Браун, пытаясь сохранить лицо и достоинство, но в его голосе уже пробивалась фальшивая нота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.